Константин А. Корягин
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Один за всех и все за одного
Рецензия на книгу: Ciccariello-Maher G. (2013) We created Chávez: a people's history of the Venezuelan Revolution, Durham: Duke University Press

doi: 10.22394/2074-0492-2018-4-233-241

Популизм/патернализм

Книга американского политического теоретика и активиста Джорджа Чикарелло-Майера «Мы создали Чавеса: народная история венесуэльской революции» вызвала большой резонанс в академическом и активистском сообществах и впоследствии была переведена на испанский, французский и арабский языки. Она создавалась еще при жизни лидера Боливарианской революции, но опубликована в 2013 г., спустя месяц после его смерти.

Прошло более пяти лет, и за это время в Венесуэле разразился широкомасштабный экономический, социальный и политический кризис. Страна находится на грани дефолта, большая часть населения говорит о недоедании, а оппозиционный парламент жестко противостоит Верховному суду, который остается подконтрольным правительству. Кажется, все достижения Боливарианской революции сведены на нет. В чем же тогда состоит актуальность этой книги сегодня, и почему на нее важно обратить внимание именно в российском контексте?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо кратко описать, какие представления о фигуре бывшего президента Венесуэлы до-

Корягин Константин Алексеевич — магистрант факультета социологии и философии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Научные интересы: современная политическая теория, психоанализ. E-mail: konkoryagin@gmail.com
Konstantin A. Koryagin — MA student, Department of Political Science and Sociology, European University at St. Petersburg. Academic interests: contemporary political theory, psychoanalysis. E-mail: konkoryagin@gmail.com

минируют в научной литературе, а также либеральных западных и российских медиа. Так, политолог Курт Вейланд [Weyland, 2013, p. 18] в статье «The Threat from the Populist Left» пишет, что Уго Чавес, ставший президентом в стране, которая «в 1960-е и 1970-е была синонимом демократической стабильности в Латинской Америке», за время своего правления «удушил демократию, поставив на ее место конкурентный авторитаризм» [Ibid.]. Вейланд озвучивает либеральную точку зрения на процессы, происходившие в Венесуэле в течение последних 20 лет. По его мнению, левый популист Чавес пришел к власти, используя личную харизму и «прогрессивную» риторику, и взял под свой контроль СМИ и институты политического представительства. Оправдывая борьбу с оппозицией «защитой населения от хищнических элит», он далее сконцентрировал всю власть на собственной персоне [Ibid., p. 21].

Здесь мы сталкиваемся с распространенным восприятием популизма, неважно, правого или левого, как политической стратегии, неизбежно противостоящей демократии. Популизм, как его понимает Вейланд, лишает политический процесс плюралистического содержания, так как сводит диалог между различными политическими акторами к антагонизму «народа» и «элит». В таких условиях политическое лидерство и воля одного часто скрадывают действительное политическое участие широких слоев населения и уничтожают институциональное представительство.

Краткое, но точное описание восприятия фигуры Чавеса в российском академическом пространстве и либеральных медиа можно найти в статье Ильи Матвеева [2017] «О понятии “популизм”». По наблюдению Матвеева, российские комментаторы чаще всего утверждают, что режимы Путина и Чавеса имеют между собой много общего. Природу этих сходств они пытаются ухватить с помощью теорий «ресурсного национализма» и «нефтяного популизма». По их мнению, в течение 2000-х годов Путин в России и Чавес в Венесуэле выстроили авторитарную политическую систему, в которой, благодаря частичной национализации нефтяной ренты и ее перераспределения в социальную сферу, «покупалась лояльность» населения [Там же, с. 87]. Популизм обоих режимов был для российских комментаторов синонимичен патернализму и связывался обычно с персоналистским характером обеих политических систем и публичной заботой их лидеров о «народе», различавшейся в своем конкретном идеологическом наполнении, но идентичной функционально.

При этом существует ряд исследований, доказывающих, что подобные представления о процессах, происходящих в Венесуэле последние 20 лет, как минимум неточны или вовсе являются прямым искажением действительности. Стив Эллнер в своей кни-

ге «Rethinking Venezuelan Politics: Class, Conflict, and the Chávez Phenomenon» [Ellner, 2008] опровергает представления о «патерналистской» природе боливарианского режима и показывает, что бывший президент Венесуэлы не просто «покупал лояльность» беднейших слоев общества, но, напротив, систематически вовлекал их в политический процесс: поддерживал и финансировал создание местных коммунальных советов, передавая им полномочия по самоуправлению, а также инициировал специальные «миссии» по обучению грамоте миллионов совершеннолетних граждан страны.

В этом контексте Илья Матвеев [2017, с. 88] убедительно показывает, что механизмы выстраивания отношений между властью и обществом в России и Венесуэле совершенно различны: «если венесуэльский режим опирался на активную и деятельную поддержку своих сторонников, то для российских властей наиболее важным было избежать сильных оппозиционных чувств». К тому же «социальная политика Путина в отличие от ее структурной перестройки в Венесуэле напоминает скорее смесь неолиберализма с показными социальными тратами» [Там же].

Книга Чикарелло-Майера также ставит перед собой задачу представить принципиально новый взгляд на Боливарианскую революцию. Так, многие исследования описывали политический процесс в Венесуэле, сосредоточив внимание на реформах, предпринятых самим Чавесом и его правительством. Главная же заслуга Чикарелло-Майера заключается в том, что он смещает фокус анализа и рассказывает историю «снизу»: от лица повстанцев, политических активистов, членов низовых организаций и рядовых сторонников революции, показывая тем самым, что процесс Боливарианской революции намного превосходит не только ее лидера, но и институциональную политику в целом. Автор последовательно разрушает западный нарратив о Чавесе как очередном диктаторе, утверждая, что своим восхождением к власти он не только вывел на политическую арену голоса многих, до того момента голоса лишенных, но что он сам от них зависел, являясь олицетворением их многолетней политической борьбы, т.е. был их созданием. Другими словами, 14 лет президентства Чавеса стали лишь конечной институциональной стадией начавшегося задолго до того широкомасштабного революционного процесса, полного поражений и ожесточенной борьбы.

После смерти Чавеса в Венесуэле разворачиваются качественно иные процессы, которых мы еще коснемся ниже. Политическая система России за это время серьезных изменений не претерпела и напоминает скорее неолиберальные режимы предшественников Чавеса. Именно поэтому российским читателям важно сегодня на-

учиться отличать популизм, подразумевающий включение наиболее угнетенных групп населения в политический процесс, от патернализма, те же группы намеренно деполитизирующий. Глядя на забастовки дальнобойщиков, протесты против строительства мусорных полигонов в Подмосковье и другие социальные волнения, нам необходимо постоянно размышлять о новых способах включения людей в прогрессивные социальные движения и, что еще более важно, обращать внимание на то, как люди сами формируют сети политического участия, «создавая» своих лидеров. В этом контексте книга «Мы создали Чавеса: народная история венесуэльской революции» представляет собой замечательный пример подобного анализа. Рассмотрим его подробнее.

Двоевластие

Итак, Чикарелло-Майер рассказывает историю революции в Венесуэле со стороны «народа». Что он подразумевает под этим термином? Автор отсылает нас к испаноязычному аналогу слова «народ» — «pueblo», который, помимо прочего, можно перевести как «простой» или «бедный». Именно за лучшую судьбу простых и бедных, за *pueblo* боролись революционные движения Латинской Америки. Народ возникает в моментах, когда те, кто «исключены из нынешнего политического порядка, вмешиваются в него... когда угнетенная часть пытается изменить социальное целое» [Ciccariello-Maher, 2013, p. 8]. Таким образом, для испаноязычного мира «народ» — это не категория единства, а, напротив, нечто, отсылающее к разрыву и борьбе. *Pueblo,* своей борьбой разделяя общество на две части, сохраняют, по словам автора, множественность и гетерогенность внутри себя, «где диалог и взаимное движение между составными частями обеспечивают общность народной идентичности во время восстания» [Ibid.].

Чтобы описать историю народа в подобной перспективе, Чикарелло-Майер отказывается от традиционного для историков исчисления Боливарианской революции с 1998 г., когда Чавес выиграл президентские выборы, и утверждает, что его победа была не началом, а *результатом* долгой народной борьбы, которая в свою очередь началась еще в 1958 г., в момент свержения диктатора Переса Хименеса и установления классической либеральной репрезентативной демократии. Но эта демократия, как утверждает автор, была скорее коррупционной «институализированной антидемократией» [p. 10], в которой народ мог проявить себя только «в качестве сегментированных и разрозненных индивидуальностей». Основываясь на многочисленных интервью с непосредственными участниками событий, Чикарелло-Майер рассказывает историю повстанче-

ских отрядов, которые не доверяли государству и брали на себя его функции там, где оно с ними не справлялось. Растущее напряжение привело к массовым протестам в Каркасе в 1989 г., которые, по мнению автора, стали первым примером учредительного народного восстания. «Каракасо» был вызван недовольством неолиберальными реформами правительства Карлоса Андреаса Переса и в итоге подавлен силами армии и полиции ценою гибели от трехсот до трех тысяч человек.

Следующим событием, в котором венесуэльский народ проявил себя как активный политический субъект, стали широкомасштабные протесты в 2002 г., предотвратившие государственный переворот, организованный бизнес-элитой страны против Уго Чавеса. Именно в этой точке Боливаринской революции учредительная (constituent) власть слилась с властью учрежденной (constituted). Оба указанных события стоят особняком и в книге названы интерлюдиями (interlude), антрактами основного повествования, которые являются, по выражению самого автора, «учредительными моментами разрыва, качественными скачками в истории венесуэльского народа» [p. 20].

В остальном книга делится на три большие смысловые части. В первой описаны события подпольной борьбы революционных отрядов, начиная с 1960-х годов и заканчивая первыми массовыми выступлениями против правительства Переса в конце 1980-х. Главная цель этой части — указать на несостоятельность авангардистской тактики подпольных революционных формирований, которая сменилась далее горизонтально организованными и чаще всего спонтанными массовыми мятежами. Вторая часть рассказывает о наиболее значимых социальных движениях, которые возникли на фоне неудач партизанской борьбы в 1970-х и 1980-х годах, — о массовых организациях студентов, женщин и коренных народов Венесуэлы. В третьей части автор сосредотачивает свое внимание на классовом составе протестующих. Здесь в постоянном пересечении с темами предыдущего раздела идет речь о фабричных рабочих, крестьянстве и представителях городской бедноты. Все это вместе дает достаточно глубокое представление о социальном составе и генеалогии того самого *pueblo* Венесуэлы.

Из вышесказанного может создаться впечатление, что Чикарелло-Майер отдает предпочтение анархистскому взгляду на политическую борьбу и с недоверием относится к любым проявлениям властных отношений, акцентируя важность множественности, горизонтальности и внутренней гетерогенности политического субъекта. Такое представление соответствует популярной в начале двухтысячных концепции множества Антони Негри и Майкла Хардта [2006]. На деле все обстоит несколько сложнее. Автору чужда

идея «фетешизации» как государственной политики, так и горизонтализма. Первые, по его мнению, отказываются признавать, что Боливарианский режим во многом создан руками широких слоев населения. Вторые отрицают саму возможность возникновения органического лидерства внутри низовой организации, воспринимая их намного более эгалитарными, чем они есть на самом деле, что делает невозможным их объективный анализ. В итоге для обеих позиций государство представляет собой «сверхчеловеческую сущность, которой либо поклоняются, либо избегают, но никогда не пытаются трансформировать» [Ibid., p.16].

Цель автора, напротив, состоит в том, чтобы сначала теоретически, а затем на конкретных примерах представить взаимную диалектическую обусловленность учредительной и учрежденной власти. И затем поставить более широкий вопрос: как низовые практики демократического участия могут быть частью революционных изменений государства, экономики и общества, не теряя при этом своей автономности? Чтобы на него ответить, Чикарелло-Майер в заключительной главе обращается к концепции «двоевластия», сформулированной 100 лет назад человеком, которому уже приходилось однажды спорить с анархистами и оппортунистами, — Владимиром Лениным.

«Двоевластием» Ленин назвал ситуацию, сложившуюся в России в 1917 г., когда власть в стране формально принадлежала одновременно и Временному правительству, и Советам рабочих и солдатских депутатов. И если формальной легитимностью пользовалась скорее первая, то реальной связи с широкими массами больше было, очевидно, у второй. Чикарелло-Майер переносит эту схему в венесуэльский контекст, описывая двоевластие как процесс, внутри которого помимо официальных институций власти в Венесуэле существовал низовой «резервуар» революционных организаций, внешних по отношению к государству. Эти множественные низовые структуры постоянно подталкивали его к трансформации, создавая продуктивное напряжение между двумя источниками власти. Государство в последние годы правления Чавеса само поощряло эти организации, как бы подрывало само себя, создавая, например, коммунальные советы по самоуправлению или вооружая народные ополчения.

Лидерство

Хотя книга, по признанию самого автора, не про Чавеса, а про множество людей и организаций за ним стоящих, о феномене политического лидерства она нам все же кое-что говорит. Чикарелло-Майер с ссылкой на аргентинского теоретика Эрнесто Лаклау [Laclau, 2005]

утверждает, что Уго Чавес стал «пустым означающим» процесса Боливарианской революции, фигурой, которая вобрала и сконцентрировала в себе революционные устремления общества. И именно благодаря наличию такой фигуры разрозненные движения смогли наконец, сплотиться и обрести собственную политическую субъектность. Чикарелло-Майер в своих недавних интервью заявляет, что левым необходим новый популизм, который подтолкнул бы обычных людей к участию в прогрессивной политике, фактически пересказывая содержание только что вышедшей книги Шанталь Муфф «For a Left Populism» [Mouffe, 2018]. В ней также делается большой акцент на проблеме политического лидерства и утверждается, что только харизматичный лидер способен стать точкой аффективных связей атомизированных индивидов, дискурсивным «внешним», позволяющим перевести отношения подчинения в политический антагонизм.

Тем не менее, несмотря на заявленную задачу показать диалектическое взаимодействие учредительной и учрежденной власти, автор полностью солидаризируется с низовыми движениями и фактически оставляет в стороне действия Чавеса и его правительства. Получается, что в названии книги оказываются выражены как ее сильные стороны, так и основная проблема. Да, Чикарелло-Майер безусловно дает нам принципиально новый взгляд на недавние события в Венесуэле и предлагает тонкое и эвристически ценное описание взаимодействия социальных движений с институтами власти. Однако взгляда на историю «снизу» не дополняется концептуальной проработкой того, что происходило параллельно с этим «наверху», и поэтому книге не удается в полной мере уловить динамику разворачивавшихся процессов.

Мы остаемся один на один с авторским оптимизмом, за который, глядя на текущую ситуацию в Венесуэле, становится немного неловко. Ведь сейчас стало ясно, несмотря на вовлечение новых слоев общества в политику, чрезмерно персоналистский характер Боливарианского режима не оставлял эффективных инструментов для разрешения социальных конфликтов внутри поляризованного венесуэльского общества. Это поставило под угрозу практически все социальные завоевания Венесуэлы в последние десятилетия[1].

1 Стоит при этом отметить, что у автора книги есть собственное объяснение причин произошедшего. В одной из своих статей он утверждает, что основные причины нынешнего кризиса заключаются не в том, что социализма в Венесуэле стало слишком много, а, наоборот, что его слишком мало и «любой шаг, который пытается как-то объединить социализм с капитализмом, перенесет худшее из обоих миров» [Ciccariello-Maher, 2017].

И все же это не означает, что вопрос о политическом лидерстве стоит отбросить, как заведомо ведущий к авторитаризму и заглушению голосов многих. Вполне возможно, что без лидера эти голоса не зазвучали бы вовсе. В итоге то, чего не хватило книге «Мы создали Чавеса», оказывается нашей общей задачей на ближайшее будущее — необходимо заново продумать феномен лидерства и адаптировать его к современным политическим реалиям.

Библиография

Матвеев И. (2017) О понятии «популизм». *Пути России. Война и мир*, СПб: Нестор-История: 81–92.

Негри А., Хардт М. (2006) *Множество: война и демократия в эпоху империи*, М.: Культурная революция.

Ciccariello-Maher G. (2017) *Which Way Out of the Venezuelan Crisis?* Jacobin (https://jacobinmag.com/2017/07/venezuela-elections-chavez-maduro-bolivarianism).

Ellner S. (2008) *Rethinking Venezuelan Politics: Class, Conflict, and the Chávez Phenomenon*, Boulder: Lynne Rienner.

Laclau E. (2005) *On Populist Reason*, London: Verso.

Mouffe C. (2018) *For a Left Populism*, Londo: Verso.

Weyland K. (2013) The Threat from the Populist Left. *Journal of Democracy*, 24 (3): 18–32.

References

Ciccariello-Maher G. (2017) Which Way Out of the Venezuelan Crisis? Jacobin. (https://jacobinmag.com/2017/07/venezuela-elections-chavez-maduro-bolivarianism).

Ellner S. (2008) *Rethinking Venezuelan Politics: Class, Conflict, and the Chávez Phenomenon*, Boulder: Lynne Rienner.

Hardt M., Negri A. (2006) *Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]*, M.: Kul'turnaya revolyuciya.

Laclau E. (2005) *On Populist Reason*, London: Verso.

Matveev I. (2017) *O ponjatii "populizm" [On the concept of "populism"]. Puti Rossii. Vojna i mir*, SPb: Nestor-Istorija: 81–92.

Mouffe C. (2018) *For a Left Populism*, Londo: Verso.

Weyland K. (2013) The Threat from the Populist Left. *Journal of Democracy*, 24 (3): 18–32.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Корягин К.А. (2018) Один за всех и все за одного. *Рецензия на книгу*: Ciccariello-Maher G. (2013) *We created Chávez: a people's history of the Venezuelan Revolution*, Durham: Duke University Press. *Социология власти*, 30 (4): 233-241.

Koryagin K.A. (2018) One for All and All for One. Book Review: Ciccariello-Maher G. (2013) We Created Chávez: a People's History of the Venezuelan Revolution, Durham: Duke University Press. *Sociology of Power*, 30 (4): 233-241.

Поступила в редакцию: 15.11.2018; принята в печать: 05.12.2018